

Посвящается РSV

Содержание

Введение 9

ЧАСТЬ I Селекция

- Глава 1 Пестики, тычинки и кисточка
из верблюжьего ворса 21
- Глава 2 Создание совершенства 49

ЧАСТЬ II Разведение

- Глава 3 Итальянские фиалки
и японские хризантемы 71
- Глава 4 Километры под стеклом 89
- Глава 5 Как голландцы завоевали мир 121
- Глава 6 Цветы на экваторе 156

ЧАСТЬ III Продажа

- Глава 7 Запретные цветы 197
- Глава 8 Голландский аукцион 239
- Глава 9 Цветочные магазины, супермаркеты
и что нас ждет дальше 270
- Эпилог День святого Валентина 310

Уход и питание для срезанных цветов	320
Список посещенных цветочных хозяйств и рынков	322
Статистика	325
Примечания	329
Выборочная библиография	343
Послесловие	347

ВВЕДЕНИЕ

«Что делают люди, взяв в руки цветы?» — спросил меня Боб Одзука, генеральный менеджер цветочного рынка Сан-Франциско. Отвечая на свой вопрос, он разыграл небольшую пантомиму: поднес ладони к лицу и глубоко вдохнул.

«Они пытаются их понюхать», — сказал он.

Я принялась, пытаюсь ощутить аромат лилий или роз, и не почувствовала ничего. Рано утром, где-то около пяти, мы с Бобом в попытке отыскать хотя бы один ароматный цветок шагали по бетонному полу оптового центра на Маркет-стрит, где шестьдесят торговых точек продавали срезанные цветы и другие растения.

«Эти цветы выведены для торговой индустрии, — объяснил Боб. — Их отбирали по цвету, размеру, и в первую очередь по выносливости. В таких случаях всегда приходится чем-то жертвовать. Эти потеряли запах».

«Но знаете что? — продолжил он, пока мы пробирались по коридору вдоль тележек, заставленных ведрами с гортезиями и подсолнухами. — Люди по-прежнему верят, что цветы вкусно пахнут. Я видел человека, который поднес к лицу букет *Leonides** и воскликнул: “Какой аромат!” Я прекрасно знаю эти розы. Золотые лепестки, по краям с мед-

* Леонидас — чайно-гибридная роза. — Прим. пер.

ным отливом, — поняли, о чем я? Они выведены к осенним свадьбам. У них вообще нет запаха».

Засмеявшись, он покачал головой и устремился в конец коридора, где, как ему показалось, можно было найти лилию, сохранившую аромат. Я последовала за ним.

ПЕРВОЕ, ЧТО БРОСАЕТСЯ в глаза при взгляде на цветочный рынок, — насколько чужим он кажется среди большого города. Даже в Сан-Франциско, солнечном, продуваемом ветрами мегаполисе, где люди не боятся «вплетать цветы в волосы»* и вообще носить их как угодно, идея цветочного рынка не вписывается в копоть и грязь городской жизни. В отличие от рыболовной промышленности, которая нашла способ существовать посреди развлекательного парка «Рыбацкая пристань», цветочная торговля скрыта от глаз в складском районе, тянущемся вдоль скоростного шоссе. Сам рынок представляет собой вереницу похожих на большие коробки складов, среди которых снуют фуры, пытаясь пробиться к погрузочным площадкам.

Если приехать сюда до рассвета, безо всякой надежды на кофе в обозримом будущем, это место покажется еще более мрачным и уродливым. Кое-как протолкнувшись между фурами и заехав на крытую парковку, я обнаружила, что сижу в машине, наслаждаясь последними крохами тепла, и недоумеваю, что заставило меня проснуться в такую рань и отправиться затемно в промышленный район.

Но стоило пройти парковку, спуститься вниз и толкнуть тяжелую металлическую дверь, как меня ослепил внезапный свет. Внутри простирался Диснейленд, Волшебная страна Гудвина и магазин игрушек Санта-Клауса. Именно отсю-

* Отсылка к культовой песне 1960-х годов Скотта Маккензи «San-Francisco» («Be Sure to Wear Flowers in Your Hair»). — *Прим. пер.*

да — понял мой сонный, лишенный кофеина мозг, — и возникают цветы.

Мимо провезли сотни цветков львиного зева* на металлической тележке. Тысячи гвоздик толпились в ведрах. Лежали снопы роз — в том виде, в котором их доставили с ферм, каждый бутон обернут клочком папиросной бумаги. Здесь были бутоньерки гардений, искусственно окрашенные хризантемы, таиландские орхидеи, голландские тюльпаны, колумбийские лилии, цветы имбиря прямо с Гавайев, шелковые магнолии, сушеный дельфиниум. Венки, комнатные растения, вазы, корзины, ленточки, декоративная зелень. Собранные в одном месте, они выглядели пышно, ярко и ошеломляюще. Торговый этаж был заполнен суетящимися покупателями и продавцами, напрочь игнорирующими тот факт, что сейчас только пять утра, — здесь уже два часа как работали.

Мимо провезли еще одну тележку, с таким количеством ландышей, какого я в жизни не видела. Рядом семеня неввысокий шатен, торгуясь на бегу. Представьте себе Уолл-стрит в садах Эдема.

Долгие годы я мучилась любопытством, как же работает рынок, поэтому попросила Боба показать мне его до рассвета, когда он открыт только для оптовой торговли. Еще мне хотелось посмотреть на настоящие свежие цветы, которые расхватывают до десяти утра, когда торговые ряды открываются для публики. Большинство оптовых торговцев не дожидаются открытия — они пакуются и выезжают из города, когда обычный житель Сан-Франциско еще не поднялся с кровати.

* Львиный зев, или антирринум, — травянистое растение семейства подорожниковых. По форме цветки растения напоминают львиную пасть. В России, как правило, используется при оформлении клумб. — *Прим. пер.*

Кроме того, меня подстегивал нездоровый интерес: я всегда была одержима страстью к цветам и не хотела упустить возможность оказаться с ними рядом. Меня не волновало, что выставят в этот день на продажу, — я знала, что захочу все. Дикие маки, тепличные розы, копеечные гвоздики — мне подойдет что угодно. Однако без лицензии на оптовые закупки приходилось только грустно ходить вокруг с деньгами в кармане. Дай мне волю, я бы спустила на цветы все наличные.

Боб оказался дружелюбным гидом. Он обменивался шутками с цветоводами и мановением руки развеивал большую часть скандальных слухов о цветочной торговле. Гортензии, которые крали с клумб в парке у моста Золотые Ворота и оптом сдавали на некоем подобии цветочного черного рынка? Было такое. Но потом волонтеры парка додумались ставить маркером небольшую точку в основании каждого соцветия, и беспредел прекратился. Потасовки в торговых рядах, когда один из поставщиков снижал цены на розы, заставляя всех остальных следовать своему примеру? Ну, нельзя сказать, чтобы прямо уж потасовки... Но близко к тому.

Я шла за Бобом, размышляя, сколько всего делается ради цветов. Самолеты летят из Боготы, грузовые фуры едут из Майами, строятся гектары теплиц и миллиарды долларов меняют хозяев. И все это ради альстромерий, которые мы, не задумываясь, покупаем между делом даже в продуктовом магазине. Ради дельфиниумов, которые мы отправляем сестре в больницу, чтобы ее приободрить. Ради фиалок на моголи и гвоздики в петлице.

В продаже цветов есть некое внутреннее противоречие, которое я до сих пор не могла для себя разрешить. Я надеялась, что найду объяснение, взглянув на происходящее поближе. В конце концов я поняла, в чем дело: цветы не похожи на другой товар. Они играют по своим правилам. С одной стороны, растения вроде бы ничего не стоят.

Можно сорвать придорожный цветок или за копейки вырастить его в палисаднике. Цветы так же недолговечны, как и фрукты, но гораздо менее практичны — в конце концов, их нельзя съесть. Роза в вазе завянет через неделю. Это все, что можно получить за свои деньги. Несмотря на это, мировой рынок срезанных цветов оценивают в сорок миллиардов долларов. Производители вкладывают огромные средства в создание все более совершенных растений, которые дольше стоят в вазе, не роняют лепестки и не пачкают все вокруг пылью, или же отвечают весьма специфическим требованиям вроде требований невест, выходящих осенью замуж, или покупателей в супермаркетах.

Цветочная торговля, деловая сторона наших отношений со срезанными цветами, возникла давно. Взгляните на это письмо:

«Розы ещё не до конца расцвели — на самом деле здесь их вообще немного. Из всех питомников и от всех плетельщиков гирлянд мы еле-еле сумели набрать тысячу, что отправили вам... даже сорвав те бутоны, что не следовало трогать до завтра. У нас есть все нарциссы, что вам нужны, так что вместо двух тысяч, о которых вы просили, мы отправляем четыре».

Этот банальный отрывок из деловой переписки могли составить на прошлой неделе, но на самом деле он был написан незадолго до Рождества Христова: отрывок начертан на папирусе в Египте римского периода. Вообразите: уже тогда цветы выращивали на полях, заказывали большими партиями и отсылали тысячами в расчете, что те успеют к празднеству или пиру. Современный поставщик роз с сочувствием отнесется к необходимости срезать розы раньше срока. Должно быть, неизвестный древний торговец, как и сегодняшние цветоводы, беспокоился, что слишком плот-

ные бутоны не раскроются в вазе и покупатель останется недоволен.

Цветочная торговля была весьма развита в Риме, со всеми налоговыми, бухгалтерскими и логистическими проблемами, которые свойственны любой коммерческой отрасли. Римляне знали, как заставить цветы распуститься раньше срока, обдавая их паром или горячей водой. Они строили теплицы со стенами из тонких листов слюды и использовали тележки с колесами, чтобы перевозить растения из тени на солнце и обратно. Как только началось искусственное разведение цветов, появились и его критики, считавшие торговлю растениями, выращенными не в сезон при помощи технологий, противоестественной. Даже мне странно видеть подсолнухи в канун Рождества, когда лето давно прошло, и я в этом не одинока. Римский драматург и философ Луций Анней Сенека писал в I веке нашей эры: «А разве не живут вопреки природе те, что хотят роз среди зимы, кто с помощью горячей воды ловко создает подложное тепло и в стужу выращивает лилию, весенний цветок?»*

В торговле срезанными цветами «натуральное» и «неиспорченное» вечно борется с массовым и коммерческим. Людям нравится, что летние цветы можно купить в феврале (фактически так возник целый праздник), но в то же время они опасаются фальшивок. Жалобы викторианского писателя Чарльза Мэнби Смита, датированные 1853 годом, актуальны по сей день. Он купил цветы у лондонского разносчика, и через пару дней они завяли, как он считает, из-за «слишком большой дозы стимулирующего раствора». Главная проблема цветочного бизнеса заключается в том, что его продукт ненадежен, а постоянных покупателей не су-

* Цит. по: Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Письмо СХХII / пер. и прим. С. А. Ошерова М.: Наука, 1977.

ществует. Хотя цветы в Лондоне продолжали пользоваться спросом, Смит предостерегал: «Торговля распустившимися цветами — одна из самых непредсказуемых и опасных спекуляций, которой занимаются мелкие уличные торговцы».

Почему нам кажется, что нас обманули, когда ученый выводит лилию с неосыпающей пылью, а цветовод заставляет тюльпаны расцветать в декабре? Разве имеет значение, почему букет роз очутился в супермаркете свежим, хоть и проехал без воды полмира? Если букет красных роз и розовых хризантем, заказанный на телеграфе ко Дню святого Валентина, ничем не отличается от тысяч таких же, рассылаемых по всей стране, становится ли послание менее значимым?

И да, и нет. Нет сомнений, что в XX веке цветы полностью преобразились. Об этом позаботились новые технологии разведения, современные теплицы и всемирная транспортная система. Благодаря им круглый год можно покупать дешево совершенно фантастические цветы. Вместе с тем современные цветы чего-то лишились. Они стали предсказуемыми, надежными и утратили привязку к сезону. Многие из них потеряли свой аромат, и я задаюсь вопросом, сохранились ли в них подлинность, сила и страсть. Люди хотят, чтобы цветы были идеальными, но в то же время продолжали оставаться уникальными и необычными. Цветы должны быть откровением, переживанием, единственным в своем роде. С каждым годом становится все сложнее отыскать что-то подобное.

Утро, проведенное на цветочном рынке Сан-Франциско, сменилось утром в цветочном районе Лос-Анджелеса. В итоге я отправилась странствовать по миру, пытаюсь понять, откуда берутся все эти прекрасные цветы. Я посещала ларьки Манхэттена и поднималась на борт «цветочных рейсов» в Майами. Наблюдала, как на аукционе в Голландии за одно утро распродают миллионы цветов. Я сидела в под-

собке флориста в День святого Валентина и слушала телефонные заказы людей, полные любви и отчаянья.

Можно сказать, что сегодня цветы больше ездят по миру, чем люди, которые их покупают. Допустим, вы живете в Лас-Вегасе. Бывали ли вы в Боготе, Майами и Сан-Франциско? А купленные вами цветы были. Или вы из штата Мэн. До того как попасть на свадьбу вашей дочери, цветы могли побывать в Кении, Голландии и на Манхэттене. Они летают на более вместительных самолетах. О них говорит огромное количество людей: цветоводы, инспекторы, торговые агенты, брокеры, дальнобойщики, акционеры, оптовые торговцы, закупщики, бухгалтеры, розничные торговцы. Причем на языках, на которых вы вряд ли даже знаете, как поздороваться.

И даже на этом рассказ о цветах не заканчивается. Их создают в лабораториях, разводят в пробирках, выращивают фабричным способом, срезают машинами, пакуют в коробки, продают на аукционах и отправляют через океаны и континенты. Мысли обо всей этой торговой системе скорее разожгли мою страсть к цветам, чем погасили ее. Вообразите двести пятьдесят тысяч квадратных метров теплиц в одном месте. Аукцион, где продают девятнадцать миллионов цветов и где люди одним взмахом руки приобретают больше роз, чем каждый из нас покупает за всю свою жизнь. Сорок миллиардов долларов, каждый год меняющих руки, — и все ради цветов. Мысль об этом завораживает.

Вскоре мне стало ясно, что легкость перемещения цветов по всему миру имеет свои последствия. Например, сто лет назад в Штатах выращивали большую часть цветов, которые там же и продавали. Сейчас почти три четверти составляет импорт, в основном из Латинской Америки. В результате изменились сами цветы. Сорты стали отбирать в первую очередь по устойчивости к перевозкам, а не по каким-то другим качествам вроде изящества или аромата. Приобретя

способность дольше стоять в вазе, цветы потеряли свой запах. Они прилетают в декабре из Эквадора или Голландии, чтобы оказаться на вашем столе, уже утратив своеобразие.

Происходящие глобальные перемены коснулись и людей: калифорнийские фермеры были вынуждены оставить семейный бизнес и переключиться на работу с импортом, флористы на центральных улицах города стали продавать копеечные цветы за наличные, а не составлять изысканные дорогие букеты. Каждый год, перед Днем святого Валентина, ряд газет раздражается так называемыми «историями о розах на крови», живописующими ужасы эксплуатации и отравленные реки, стоящие за каждой латиноамериканской или африканской розой. В этих историях есть доля правды. В Эквадоре я видела, как женщины макают длинностебельные розы бутоном вниз в бочки с фунгицидом, — это на долгие месяцы отвратило меня от покупки роз.

Возможно, неромантично называть цветы товаром или продукцией промышленного производства, но они являются и тем, и другим. Растения недолговечны и непрактичны, однако они вызывают эмоции, и в Америке в год приобретают около четырех миллиардов цветов. Американцы покупают больше цветов, чем биг маков. Цветы — это большой бизнес. Ошеломляющий, зачаровывающий и прекрасный.

Невозможно рассказать о каждом цветке, появившемся на мировом рынке. Однако существует ряд героев, истории которых в некотором роде олицетворяют этот поиск совершенства. Джон Мэйсон со своей голубой розой. Лесли Вудрифф с лилией *Star Gazer* («Звездочет»). Лейн Де Ври, владелец одного из самых крупных хозяйств по выращиванию срезанных цветов в Соединенных Штатах. Роберто Невадо из Эквадора, социально ответственный производитель роз. В конечном счете я поняла, что все они хотят одного: вырастить идеальный цветок — тот самый, без которого мы не сможем обойтись.

Я не флорист, не селекционер и не фермер. Я садовод и страстный любитель цветов. Чем больше времени я провожу в сфере цветочной торговли, тем чаще думаю, что ожидаю от цветов слишком много. Кто мы такие, чтобы взять символ совершенства, чистоты и любви и попытаться улучшить его, сделав максимально пригодным для рынка?

В четвертом акте шекспировского «Короля Иоанна» граф Солсбери отговаривает короля от повторной коронации, называя ее «напрасным трудом, излишеством пустым»^{*}:

*Позолотить червонец золотой
И навести на лилию белила,
И лоск на лед, и надушить фиалку.*

Фраза «позолотить червонец»^{**} до сих пор иногда встречается в описании излишнего украшения. Кажется нелепым распылять на цветы глиттер или духи, однако индустрия занимается и тем, и другим. Она продлевает существование цветов, делает их еще более яркими, меняет запах — все ради того, чтобы удовлетворить наши желания.

Однако куда это может нас завести? Не пытаемся ли мы действительно «позолотить червонец»?

^{*} Цит. по: Шекспир У. Король Иоанн / пер. Н. Рыковой // Шекспир У. Полное собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. А. Смирнова и А. Аникста. М.: Искусство, 1958.

^{**} Червонец — традиционное русское название крупных иностранных и собственных высокопробных золотых монет. — *Прим. пер.*